

ИСТИНА И WAHRHEIT: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С МЕТАФИЗИКОЙ

Пламен Панайотов

(Университет "Еп. Константин Преславски", България, 9712 Шумен)

В русской литературе и в русской философии XIX века истина рассматривается эсхатологически, в аспекте окончательного торжества добра и справедливости. Истина – проблема этики, религиозного сознания. Вопрос о смысле бытия решается антропологически, с точки зрения определенной концепции человеческой природы, а не онтологически. Решающим фактором познания истины является духовный опыт, который добывается человеком перед лицом бога.

В немецкой философии от Лейбница до Гегеля истина воспринимается прежде всего гносеологически, в плане диалектического опосредствования. Субъективное мыслится как опосредствование и тем самым как ядро объективности, а само мышление рассматривается как необходимое условие существования действительности. Онтологическое различие между бытием и существованием нивелируется. Бытие является порождением мысли.

В XIX веке, когда эти различия стали осознанными, в русской философской литературе утвердился взгляд, что русское мышление персоналистично, а немецкое объективистично. Этот миф поддерживают не только русские религиозные философы (Соловьев, Бердяев, Шестов, Розанов, Флоренский), но и некоторые лингвисты, напр., Топоров. Сколь бы основательны ни были основания Топорова связать *истина* с *истый* (*istъ*), и считать местоименным образованием (**is-to-*), аналогичным лат. *iste*, умбр. *esto*,¹ – они коренятся в той же метафизике, на которой базируется и гносеология русских религиозных философов.

Утверждение, что русское понимание истины персоналистично, а немецкое объективистично, звучит сегодня, конечно, банально, поскольку здание прежней метафизики разрушено. Своим тезисом о феноменологическом горизонте мышления Гуссерль показал, что различие всегда указывает на другие различия. Истинное различие ведет к другим различиям, но не останавливается на каком-либо достигнутом тождестве. Мышление исторично, оно возможно только потому, что само бытие по

¹ Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР 25, 1958: 20 и след.

своему собственному смыслу экстатично. Мышление – полнота возможностей, не исчерпываемая чем-то уже состоявшимся. Поэтому я не намерен фиксировать какого-то решения заявленной в заглавии темы.

Я хочу только обратить внимание на то, что проблема интерпретации истины не может быть решена антропологически. Человек – главное в этом мире, но он не может считать свое бытие раз и навсегда обеспеченным. В XX веке к этому выводу пришли, из немецких мыслителей – Хайдеггер, из русских – Платонов.

Хайдеггер поставил вопрос об истине в связи с проблемой понимания смысла бытия. *Wahrheit* – говорит Хайдеггер – происходит от слова *wahr*, которое проясняется через родство с *bewahren*, *wahrnehmen* ('in Wahrnis nehmen'), т.е. 'сохранить', 'брать под защитой'. Понимание опять же осмысливается в исходном значении "понимания" – 'принимать, держаться на равной высоте с принимаемым и быть достаточно сильным, чтобы его выдержать'. Смысл подлежит пониманию из единства бытия и мышления. Бытие и мышление принадлежат вместе тождеству, сущность которого выводится из той обусловленной взаимопринадлежности, которую Хайдеггер называет *Er-eignis* (со-бытием).²

Ereignen изначально значит 'eräugnen', т.е. 'замечать, приближать к себе во взгляде, присваивать'. Хайдеггер употребляет это слово лишь в *singulare tantum*. То, что им обозначается, имеет место лишь как единичное, единственное. Слово *Ereignis* почти непереводаемо, как греческое "логос" или китайское "дао". *Ereignis* в контексте поздних сочинений Хайдеггера значит 'отдавание себя в открытое' ('sich geben in Unverborgenheit'), 'пребывание в непотаенности'.

Итак, истина понимается Хайдеггером как обнажение сущего в своей феноменальности. Это пребывание вне потаенности греки называли словом "хипокайменон" ('присутствие'). "Греки – пишет Хайдеггер – устанавливали бытие сущего как присутствующее присутствие [Anwesen des Anwesenden]."³ *Anwesen* имеет в немецком языке значение 'небольшое владение, хутор'. При переосмыслении Хайдеггером этого слова сохраняется старый оттенок места для житья, для обитания. Чтобы избежать всякого смыслового искажения истины, чтобы исключить ее понимание как 'правильность', истина бытия была истолкована Хайдеггером как 'местность бытия' ('Ortschaft des Seins').⁴ Место, откуда просвечивает истина

² См. доклады Хайдеггера *Überwindung der Metaphysik, Die Kehre*.

³ М. Heidegger, *Wegmarken*. Pfulingen, 1967: 50.

⁴ М. Heidegger, *Op. cit.* 271.

бытия, немецкий философ назвал *Lichtung des Seins*.⁵ О каком "просвете" идет речь?

На этот вопрос Хайдеггер ответил в книге "Бытие и время", рассматривая проблему бытия с точки зрения конечности человеческого существования (экзистенции). Здесь сущность экзистенции выводится из собственного начала *Dasein*, из собственного небытия, т.е. из смерти, которой, говоря метафизически, каждый единоличный собственник.

Dasein не просто сущее, не просто причастно бытию (*das Seiende*). Оно всегда озабоченно самим бытием. *Dasein* своим собственным бытием обладает не как какой-то твердо фиксируемой наличностью, но обладает им в волнении заботы. Озабоченное в своем бытии, *Dasein* есть свое же собственное будущее. Оно постоянно живет свою смерть ("lebt dem Tod entgegen", как выражается Hugo von Hofmannstahl в новелле "Das Märchen der 672. Nacht"). Смерть является условием всех остальных возможностей экзистенции. Хайдеггер пишет: "Der Tod ist der Schrein des Nichts, dessen nämlich, was in aller Hinsicht niemals etwas bloß Seiendes ist, was aber gleichwohl west, sogar als das Geheimnis des Seins selbst. Der Tod bringt als der Schrein des Nichts das Wesende des Seins in sich; der Tod ist als der Schrein des Nichts das Gebirg des Seins".⁶ Именно в этом смысле – как трансцендентальная возможность – смерть является "просветом бытия" (*Lichtung des Seins*), Ereignis ("событием", т.е. самотождественным различием единого). Она та "область" (*Ortschaft*), откуда открывается сама истина бытия.

Обычно люди избегают думать о смерти, стремясь укрыться, убежать от нее. В знаменитом рассказе Льва Толстого читаем: "В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого. Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему".⁷

Смерть в какой-то мере вызов здравому смыслу, так как в этом мире никто не связан со смертью отношением настоящей достоверности. Поэтому та неопределенность, которая правит существованием здесь (*das Man*),⁸ низводит смерть на степень "происшествия", "случайной неприятности", как пишет Толстой. В конце концов Иван Ильич понял, что смерти вообще – не бывает. Смерть – это возможность, которая всегда

⁵ М. Heidegger, Op. cit. 334.

⁶ М. Heidegger, *Vorträge und Aufsätze*. Pfulingen, 1971: 171.

⁷ Л. Толстой, *Повести и рассказы в двух томах: т. 2*. М., 1966: 124.

⁸ Термин Хайдеггера из книги *Бытие и время*.

принадлежит "самости" ("мне"). Болезнь и страх открыли Ивану Ильичу, что его жизнь – ложь, обман. Он, строивший все свое жизненное поведение, как ему казалось, исходя из реальности, в сущности, не знал, что такое подлинная жизнь.

В рассказе Толстого смерть рассматривается с точки зрения экстатического характера экзистенции. Смерть – самая истинная возможность экзистенции, возвращающая героя из затерянности в мир, давая ему возможность быть самим собою.

Итак, смерть – тот момент, который открывает нам жизнь в ее целостности. Хайдеггер назвал смерть *der Schrein des Nichts*, Платонов описывает ее подобным образом – как "пустота, куда непрерывно, ежедневно входит жизнь, ровная как ежедневный гул, в котором невозможно разобрать слова песни". Здесь пустота – метафора экзистенции. Существо человека эксталично. Оно устроено так, чтобы выбирать между собою и миром, оно может принимать любое решение – изнутри того, что попадает ему навстречу в мире, или же изнутри себя самого. В этом смысле оно ничто, пустота, свобода, которая не дает нам иметь "брони над сердцем, ни веры в бога, ни другого умственного покоя" ("Чевенгур").⁹ Само бытие, к которому относится человек своим существом, не может быть нечто сущее. Оно ничто (небытие), присутствующее в экзистенции как понимание бытия, как возможный смысл целого. Ужаснувшись трагизмом человеческого существования, Иван Ильич начинал спрашивать себя: "Неужели О Н А истина?"¹⁰

Ответить на этот вопрос невозможно, так как в сфере мысли всякое философское положение имеет свою долю истинности и свою долю недостаточности. Но стоит ответить, что миф об объективистском характере немецкого мышления (соответственно о персонализме русского понимания истины) несостоятелен.

⁹ А. Платонов, *Избранное*. М., 1988: 71.

¹⁰ Л. Толстой, *Цит. соч.* 126.